

КАНОНИЧ С. И.

ПРИНЦИПЫ ТИПОЛОГИИ КОНТЕКСТНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Грамматическая категория различных индоевропейских языков (в том числе французского и испанского, на материале которых строятся выводы в предлагаемой статье) содержит в своей семантической структуре два инвариантных значения: первичное, закрепленное за ней строем языка, и вторичное, возникающее при включении в контекст. Первичное инвариантное значение неизбежно, оно представляет грамматическую категорию как элемент строевой парадигмы и лежит в основе всех вторичных инвариантных значений категории, объединяя их в контекстную парадигму [1, с. 74].

Экстратемпоральное, т. е. отвлеченное от какого-либо определенного, но действительное для любого момента времени значение превалирует в тексте рекламы. Оно сопровождается дополнительным назидательным модальным оттенком. В тексте анкет и автобиографий настоящее время изъявительного наклонения привязано к моменту речи, но неограниченно в своей длительности. Конкретность значения настоящего времени в тексте анкет и автобиографий обусловлена соотносительностью с первым лицом ед. ч. В тексте уставов, кодексов и других законодательных документов в связи с их оценочной семантикой настоящее время изъявительного наклонения приобретает оттенок атемпоральности.

Каждый из перечисленных выше вторичных вариантов значим постольку, поскольку он представляет грамматическую парадигму определенного контекста, с элементами которой он согласуется семантически. В контексте анкет и биографий настоящее время согласуется с первым лицом ед. ч. как с семантической доминантой. В контексте законодательных текстов оно согласуется с другой семантической доминантой, а именно, с категорией неллица, чисто спорадически выражаемой формой третьего лица ед. ч. Различны и модальные оттенки, сопровождающие значение настоящего времени в названных контекстах. Перечисленные выше вторичные инвариантные значения настоящего времени образуются на базе первичного строевого инвариантного значения.

Исходя из этого, нетрудно сделать следующие выводы: 1) на основе единственного первичного инвариантного значения в языке формируются вторичные инвариантные значения, количество которых соответствует количеству лингвистически дискретных сфер общения; 2) между первичным и вторичным инвариантными значениями категории существует неразрывная связь, проявляющаяся в их обязательной совместимости. Подобно тому, как вторичное значение непременно возникает на основе первичного, первичное значение не функционирует в отрыве от вторичного. Рассуждения о «стилистически нейтральном» значении — результат недостаточной разработанности теории контекста; 3) органическая связь между первичным и вторичным инвариантными значениями грамматической категории семантизируется на пересечении двух парадигматических осей: оси строевой парадигмы и оси контекстных парадигм. При этом вторичное значение включается в две парадигмы: строевую и контекстную. Бытующее в исследованиях по стилистике разграничение первичных и вторичных значений по принадлежности к языку и речи соответственно не имеет под собой теоретической почвы. Первичные и вторичные значения существуют в неразрывной связи и взаимообусловленности. Можно высказать предположение, что первичные значения

исторически сформировались в системе вторичных значений, если принять во внимание тот очевидный факт, что язык изначально реализуется в своей социальной функции в определенной сфере общения.

Известный в настоящее время состав первичных значений грамматических категорий строится на материале литературно-разговорной речи, системный характер которой легче других контекстов поддается наблюдению. Любое явление языка функционально детерминировано, но выявление признаков функциональной детерминированности связано с целым рядом трудностей. Теоретические предпосылки и критерии их изучения только сейчас создаются теорией контекста.

Как средство социальной коммуникации язык существует в виде упорядоченной системы коммуникативных контекстов [2], инвариантное значение которых и включается в семантическую структуру грамматических категорий как вторичное. Описание функциональной семантики грамматических категорий без учета значений, проявляющихся в контекстных парадигмах, фактически неосуществимо.

Если первичное инвариантное значение носит сугубо лингвистический характер, являясь семантическим множителем для вторичных контекстных значений, вторичное значение отражает социально-исторический характер контекста. Оно включает в свою структуру коммуникативные и прагматические компоненты и обусловлено ситуацией речи [3, с. 133], социальными, биологическими, этническими, психологическими и другими характеристиками коммуникантов, темой и целью коммуникации, разновидностью канала коммуникации и предполагаемым эффектом. Весь объем коннотации сосредоточен именно во вторичном значении грамматической категории.

Контекстной грамматической категорией представляется возможным считать формально эксплицированную соотнесенность первичного значения со вторичным. Повторяющиеся в определенном контексте значения грамматических категорий, соответствующие коммуникативной цели контекста, образуют релевантную парадигму, полностью не совпадающую ни с какой другой парадигмой данного языка [4, с. 41]. Именно в этом состоит один из важнейших постулатов коммуникативной грамматики.

Контекстные грамматические категории часто лишены обычно приписываемых им признаков. Способность выражать ближайшее будущее, например, присуща настоящему времени изъявительного наклонения далеко не во всех контекстах. Такого значения настоящее время не может иметь ни в научном или в законодательном текстах, ни в тексте анкет и биографий. Не присуща настоящему времени в перечисленных выше текстах и побудительная модальность.

Коммуникативная специфика контекстной грамматической парадигмы отражена в ее доминантной семе. При этом целый ряд коммуникативных доминантных сем может объединяться единым частным признаком. Наиболее широким охватом обладает оппозиция между следующими двумя семами: *семой, представляющей ситуацию порождения речевого контакта, и семой, представляющей ситуацию, о которой идет речь*. Функция систем семантических и формальных признаков в языке состоит в дифференциации этих двух коммуникативных сфер, между которыми распределяются тексты, различающиеся между собой по многим более частным признакам [5, с. 421]. В первой из названных сфер в тексте эксплицируются моменты начала, развития и концовки речевого контакта — фатические, перформативные, вокативные, оценочные и эмотивно-экспрессивные элементы. Наиболее полно первая коммуникативная семантическая сфера представлена в текстах разговорной речи. Вторая семантическая коммуникативная сфера охватывает ситуацию, лежащую за пределами момента высказывания, но непосредственно с этим моментом не связанную. Основное информативное наполнение текстов обеспечивается второй семантической сферой, представляющей события в окружающем коммуникантов мире. Отвлеченность от ситуации речевого контакта характерна для научных, законодательных и многих других текстов. В диалогическом тексте часто возникает скрещивание признаков названных

семантических сфер, когда признаки ситуации речи превращаются в объект речи. Глобальное деление семантических признаков контекстных грамматических категорий по соотнесенности с одной из двух выше названных систем поддерживается оппозицией между семами частного, конкретного, с одной стороны, и семами общего, отвлеченного, с другой.

Известны концепции, согласно которым производство речи воплощает логические процессы, направленные от единичного к общему, а восприятие речи — от общего к частному, единичному [6, с. 10]. Оппозиция между общим и единичным составляет семантическое ядро всех контекстных грамматических категорий, способствует их распределению между коммуникативными сферами порождения речевого контакта и объекта речи. Оппозиция между единичностью и множественностью характерна для первой коммуникативной сферы и свидетельствует о преобладании в этой сфере конкретных значений. Во второй семантической сфере оппозиция между общим и частным передко нейтрализуется отвлеченным значением контекста. Дифференцируются рассматриваемые нами коммуникативные семантические сферы и по признаку монотемности или политемности одного текста. Различие между контекстом речи и контекстом объекта речи, следовательно, не в том, что один из них монотемный, а другой политемный. Оба контекста тематически разнообразны. Однако если в контексте речи текст обычно обладает признаком политемности, в контексте, представляющем объект речи, текст чаще закреплен за одной по преимуществу темой.

Это обстоятельство изменяет общую семантическую структуру контекстов. Так, например, в контексте научной коммуникации весь объем энциклопедических знаний тематически дифференцирован: текст как единица контекста полностью посвящается в большинстве случаев лишь одной теме, одной области науки. Только одна тема охватывает обычно содержание делового документа, строго выдерживается тематическое деление по главам и статьям в законодательном тексте, в тексте газетного номера тематическое деление дифференцирует страницы, колонки, рубрики и т. д. Тематическая характеристика текста как единицы контекста оказывается, таким образом, весьма существенным его признаком. Закрепленность за текстом одной темы влечет за собой повышенную степень стереотипности формальной и семантической структур текста и соответствующую этому организацию грамматической парадигмы. Однотемные тексты более стереотипны, чем многотемные. Достаточно сравнить текст законодательный с текстом разговорной речи. Стереотипность темы научных текстов оформляется стереотипными значениями контекстных грамматических категорий, для которых характерно обобщенное значение и отвлеченность от ситуации речи. Для текстов разговорной речи характерны разнообразие тем, конкретность грамматических значений.

Единицей сопоставления по однотемности или многотемности является один текст или его раздел. Это уточнение существенно при анализе различия между такими коммуникативными единицами, как текст и контекст.

Еще один общий семантический признак отличает грамматические значения текстов, представляющих ситуацию возникновения речи, от текстов, представляющих ситуацию, о которой идет речь. Это — фактивность, преобладающая в текстах первого типа, и атрибутивность, преобладающая в текстах второго типа.

Характерное для текстов второго типа, т. е. для текстов, отвлеченных от ситуации речевого производства, обобщенное значение, тяготеющее к атрибутивности, нейтрализует конкретные оппозиции, резко изменяя тем самым состав грамматической парадигмы.

Проанализируем в качестве примера категорию лица. Обобщенное значение текста исключает форму третьего лица из оппозиции с первым и вторым лицами. В тексте рекламы, обладающем высоким уровнем обобщения, обусловленным коммуникативной задачей — привлечь внимание широкого круга читателей, выступающих в данном случае в социальной роли потенциальных покупателей предлагаемой продукции, — формы ли-

ца утрачивают конкретное значение, становятся синонимами, обозначающими категорию нелица, и различаются между собой только лишь стилистическим оттенком, напоминающим об их исходном инвариантном значении. Подчиненность грамматической семантики прагматической направленности текста нейтрализует оппозицию между первым, вторым и третьим лицами, придает всем этим формам семантику нелица. Абсолютное преобладание в законодательном тексте формы третьего лица с обобщенным значением, нигде не противопоставляемой формам первого и второго лиц, также полностью нейтрализует эту оппозицию, придает форме третьего лица особое грамматическое контекстное значение.

Вторичное инвариантное значение контекстной грамматической парадигмы отражает коммуникативную и прагматическую направленность текста, определяет отбор категорий и значений, способных их воплотить. Включение той или иной категории или значения в контекстную парадигму становится обязательным, парадигма приобретает жесткий замкнутый характер, что придает ее компонентам свойство обязательной и закономерной дополнительности. В парадигме контекста, отвлеченного от ситуации порождения речевого контакта, категории нелица дополняется категорией атемпоральности, категорией атрибутивности, объективной модальности, нечисла. Категория нечисла, как и категория нелица, возникает на базе нейтрализации конкретных оппозиций.

Связь с ситуацией высказывания в текстах первого типа выдвигает на передний план конкретные значения грамматических категорий: форма единственного числа указывает на единичность, единственность, уникальность. Форма множественного числа, напротив, воспринимается как отрицание единичности, как знак совокупности и одинаковости предметов.

В обобщенном тексте, т. е. в тексте второго типа, нередко форма единственного числа не вступает в отношение антонимии с формой множественного числа. Антонимическое отношение заменяется синонимическим. Форма числа может утрачивать оппозитивный признак, если употребление в тексте другого лица недопустимо, например: *Человеку свойственно ошибаться*.

Этим же семантическим закономерностям подвержен синтаксис. Существительное в функции подлежащего передает глаголу в функции сказуемого значение нечисла и нелица, например: *Услужливый дурак опаснее врага; Слова и иллюзии гибнут, факты остаются*.

Активно участвуют в выражении указанных закономерностей и артикли. Значения артиклей устанавливают связь между числом существительного и оппозицией «общее — частное» [7, с. 26]. Оппозиция «единственное число — множественное число» с помощью артикля локализуется в зоне конкретного значения существительного и дополняется оппозицией «осведомленность адресата речи об обозначенном существительным предмете — неосведомленность». Оппозиция «единственное число — множественное число» нейтрализуется в зоне обобщенного значения существительного. В зоне обобщенного контекстного значения существительного нейтрализуется также оппозиция «осведомленность адресата — неосведомленность» [8, с. 37]. Конкретное значение единственного числа определенного артикля, например, в испанском языке четко противопоставлено множественному числу и несет в себе сему отрицания множественного числа. Преобладание формы единственного числа при выражении обобщенного значения приводит к асимметрии категории числа определенного артикля.

Неопределенный артикль обнаруживает иную семантическую структуру категории числа. В значении единственного числа неопределенного артикля постоянно как бы вторым кадром проявляется сема множественного числа. Значение множественного числа включено в семантику формы единственного числа неопределенного артикля как при конкретном, так и при обобщенном в данном контексте существительном. Форме единственного числа неопределенного артикля как в испанском, так и во французском языке присуща дополнительная сема дистрибутивности, возни-

кающая в результате скрещивания значений единственного числа со значением множественного. Подобное значение не характерно для определенного артикля. Неопределенный артикль направляет внимание на соотношенность предмета с включающим его классом, сортом, видом. Можно предположить, что сема дистрибутивности, в которой присутствует маркер множественного числа, препятствует употреблению неопределенного артикля во множественном числе при конкретных в данном контексте существительных в испанском языке. При обобщенном существительном с атрибутивным значением неопределенный артикль в испанском языке, согласуясь в числе с существительным, может иметь как форму ед. ч., так и форму мн. ч., например: исп. *Eres un miserable; Sois unos miserables*. Обобщенное атрибутивное значение и в этом случае нейтрализует конкретную оппозицию между единственным и множественным числом. Таким образом, в зоне артиклевых функций категория «осведомленности — неосведомленности адресата» дополняет конкретное значение существительного, устанавливая тем самым еще одну линию связи с ситуацией порождения и развития речевого контакта.

Наиболее полно ситуация речепроизводства отражается в тексте диалогической речи, строящейся на попеременном приобщении к ней то одного, то другого коммуниканта. Описание смены коммуникативной роли говорящих по необходимости связано с учетом различных обстоятельств речепроизводства. Уже само по себе указание на манеру общения — непринужденную или, наоборот, сухо официальную, интимную или протокольную — дает представление о характере ситуации, специфически «настраивает» лингвистический аппарат, используемый для воплощения связи текста с моментом и условиями его возникновения. В текстах разговорной речи вычлениаются две лингвистически релевантные смысловые сферы: первая из них связана с процессом реализации коммуникативного контакта, вторая лишена такой связи, в ней представлен объект речи, отчужденный от обстановки высказывания. Соотношенность текста с ситуацией речепроизводства или с ситуацией, о которой идет речь, обобщенное или конкретное значение текста — все это способствует раскрытию новых ракурсов семантики грамматических категорий текста.

Синтаксическое оформление текстов с обобщенным значением отличается от синтаксического оформления текста с конкретным значением: во-первых, преобладает стереотипная структура предложения, во-вторых, — многообразие структур. Свообразие в реализации грамматической категории «осведомленность — неосведомленность адресата» накладывает печать на семантику текстов: обобщенные тексты предполагают заведомую осведомленность адресата об исходных постулатах текста. В коммуникативную задачу обобщенных текстов входит развитие и уточнение объема знаний, данных в пресуппозиции. Иной семантический характер носят конкретные тексты, связанные с речевой ситуацией. В этих текстах значение неосведомленности может быть связано с внезапностью, неожиданностью появления в ситуации нового предмета. Употребление артиклей может быть связано и с эмотивно-оценочным значением и с другими коннотациями, в которых проявляется отношение между коммуникантами, обусловленное коммуникативной задачей высказывания. От распределения в корпусе текста значений определенности и неопределенности во многом зависит семантический строй кореференции, конкретной синонимии и антонимии, соотношение прямых и переносных значений, характер используемых в тексте тропов.

Подведем итог. Типология контекстных грамматических категорий опирается на следующие признаки: 1) соотношение между первичными и вторичными инвариантными значениями грамматических форм; 2) соотношенность вторичных грамматических значений со смысловой сферой, представляющей ситуацию порождения и развития речевого контакта; 3) соотношенность вторичных грамматических значений со смысловой сферой, представляющей независимо от обстоятельств говорения ситуацию, о которой идет речь; 4) соотношенность вторичных грамматических

значений с доминирующим в тексте обобщенным или конкретным значением; 5) однотемность или политемность текста; 6) степень фиксированности, стереотипности смысловой и формальной сфер текста; 7) характер пресуппозиции в плане осведомленности или неосведомленности адресата; 8) системный парадигматический характер грамматических значений, дифференцирующих коммуникативные смысловые сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
2. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М., 1981.
3. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. М., 1977.
4. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.
5. Бехерт Й. Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
6. Guillaume G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. Paris. 1919.
7. Bonnard H. Guillaume, il y a vingt ans. — Langue française, 1969, № 1.
8. Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.